

Алексей К. Смирнов

Опята

роман

Алексей Смирнов

Опята. Роман

«Издательские решения»

Смирнов А. К.

Опята. Роман / А. К. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741313-2

Кухонные посиделки способны изменить страну. Каким образом?
Автор предлагает свою версию, уважая массовый вкус и представляя
в экспериментальном романе многие развлекательные жанры от детектива
до абсурдистского фантастического боевика.

ISBN 978-5-44-741313-2

© Смирнов А. К.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая	6
Пролог о замечательном аппетите	6
Глава первая. Ботаническая мистика	8
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Опята Роман

Алексей Константинович Смирнов

Любые совпадения с реальными и вымышленными фигурами и ситуациями, помимо общеизвестных, случайны. В романе неоднократно используется поэзия Владимира Маяковского, относящаяся к советскому периоду. И не только его.

Иллюстратор Константин Варламов

© Алексей Константинович Смирнов, 2017

© Константин Варламов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4474-1313-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая

Многочлены с земляничной поляны

...Ты не один!
Ю. Шевчук

*Чего мы только не обрящем,
Когда не ищем ничего.*
В. Пугач

*Не пылит дорога, Не дрожат листья. Сколько же у бога
Вот таких, как ты?*

*Гнусен, как ехидна, И цена – пятак. Все равно не стыдно, Даже
если так*
В. Пугач

Пролог о замечательном аппетите

Официант подошел к метрдотелю скользящей и быстрой походкой. Приблизившись к телу и будучи допущен, он выстрелил взглядом в удаленный столик, заставленный яствами.

– В чем же дело? – равнодушно спросил мэтр.

– У клиента жор, – донес на посетителя официант.

– В самом деле? С чего ты решил? И слава Богу, в конце концов.

– Пойдите и полюбуйтесь сами. Он заказал два первых блюда, горячее – рыбу, мясо и птицу; шашлык из осетрины; салат оливье, две порции; закуску – нарезочку, икру, грибной паштет. Котлеты по-киевски. Селедку под шубой. Суфле. Винегрет. Полулитровый графин водки, литр минеральной воды. Соусы и приправы. Мороженое, полкило. Фирменный торт.

Речь официанта тоже казалась фирменной, ибо здесь человека красило место.

Метрдотель, старомодно одетый по всей форме, вооружился моноклем и присмотрелся.

– Он один? – поинтересовался он недоверчиво.

– Пока что один. И все сжирает сам, персонально. Ложку – сюда, вилку – туда. Хлоп одну рюмку, хлоп другую. Хлоп четвертую. И запивает из бокала. Обьедки сбрасывает в противуположный прибор, который был пуст. Извел полсолонки и перечницу. Одной горчицы и хрена смолотил ужасно сколько, с белым-то хлебом. А хлеба – каравай.

– Ну, пошли, – согласился покровитель.

По пути он все пристальнее изучал едока:

– Вроде худенький мужичок. М-да. Видок затрапезный. Ты рассчитал его?

– В том-то все и дело, что нет.

– Гамлет! (это было паспортное имя официанта). Ты видишь, во что он одет?

– Не по уровню заведения, каюсь и казнюсь. Не из места ли заключения, прямо к нам?

– Тогда какого же черта ты приволок ему столько еды?

– Простите, господин Бургомистров, доверчивый я... сельская молодежь... Если он из места заключения, то деньги у него, возможно, имеются...

Оба остановились у столика и напряженно уставились на мужчину, который жадно упивался, беря то от одного блюда, то от другого. Клиент был одет в поношенный костюм с полосатым и неуловимо волосатым галстуком. Штиблет не разглядеть, хотя и притоптывает. Круп-

ные залысины, острый нос не без бородавки с волосом, истертый ворот рубашки. Питается неопратно, пьет от души. И на душе этой – праздник. Неприятное положение. Что, если на душе – грех, и смертный? Грех неплатежеспособности?

– Все в порядке, почтеннейший? – осведомился метрдотель.

– Лучше не придумаешь, – сказал тот с набитым ртом.

– А вы что-то придумали?

– По правде говоря, ничего. Мне лучше думается под музыку, а во время еды приходят не мысли, но аппетит. Отменная рыба, господа повара!

Метрдотеля перекорежило. На нем же монокль! – тот сразу и вывалился. Никто и никогда не принимал Бургомистрова за повара.

– Извольте рассчитаться сейчас же или когда?

– Когда – что?

– Рассчитаться...

– А, вы о деньгах, – клиент посмотрел на дешевенькие часы, отстававшие на полчаса. – Через десять минут вас устроит?

– Гамлет, выпиши почтенному гостю счет. Вполне устроит. Простите за вторжение в процесс, но, сами понимаете, что всех встречают...

– По одежке, – подхватил посетитель. – А провожают...

Гамлет расплылся в подобострастной улыбке.

– По счетам, – изрек он елейно.

Едок, в свою очередь, внимательно присмотрелся к явлению персонала.

– По осени, – пошутил он.

– По осени считают, – подсказал ему Гамлет.

– Совершенно верно. Курят и цыпят. Я желаю еще курятины, принесите.

Метрдотель тем временем следил за стрелками личных, карманных часов.

– Сверим время? – предложил он сидящему.

Ответа не последовало.

Метрдотель поднял глаза. Отвечать было некому; сиденье пустовало, стол – разорен. Молчал и Гамлет – искал, наверное, ответ на вечный вопрос.

Глава первая. Ботаническая мистика

1. Прикладная ботаника

Артур Амбигуус-младший не вышел к гостям: его никто не пригласил, да и не то, что не пригласил – ему даже запретили к ним выходить с полуоторванными, распухшими ушами. Не больно-то он и рвался.

Перед приходом гостей – людей скромных и простодушных – состоялась жестокая семейная сцена подросткового воспитания.

Артурова мать Анюта, когда супруг ее, по странному капризу – тоже Артур, врач-нарколог, явился с приема домой, немедленно рассказала ему о поступке Артура-Амбигууса-младшего.

Сей поступок показался наркологу ужасным вдвойне: сынуля его, будущий химик и фармацевт, а то и доктор наук, производитель антидотов и рвотов, поедал с такими же, как пища, уродливыми товарищами заведомо поганые и несъедобные грибы, желая вызвать у себя галлюцинации. На какой-то поляне, уподобляясь свинье с ее желудями... он подрывал семейное древо, семейный генеалогический дуб, достойный гордости и славы..

– У нас же квота! – орал ему малый Артур, раздираемый за уши надвое храпящими рысиками. Так делали и делают в старину... – Я, батя, квоту отстегиваю...

Здесь он до первой крови прикусил язык, понимая, что сейчас сболтнет нечто лишнее. А выражаясь точнее, уже сболтнул.

– Это на что же «у вас там квота»? – задал вопрос папаша-лекарь, отлично знавший, как на него ответить. Он всего лишь нуждался в признаниях и мольбах о прощении. В нем пробудилась от многолетней спячки безжалостная святая инквизиция, странным образом перемешавшаяся с показательными процессами сталинской эпохи. Уши попались первыми; не было ни карцера, ни испанского сапога.

– У них там рвота, а не квота, – вмешалась Анюта. – Его полчаса рвало какой-то дрянью.

Отец захрипел: казалось, что это хрипят взмыленные отцовские кони-ладони-огони.

– Какие же тебе, гаденышу, понадобились галлюцинации?

Выяснилось, что все равно, какие. Хотелось увидеть себя жуком, цветком и птицей колибри; многоразовым кораблем из летучей Голландии, где можно все; мечталось раскрасить автобус и поезд спреем, а мир весь усыпать блесками, побольше; запустить воздушные шары и прыгнуть с вышки: всеми частями тела по очереди, которые тоже обернутся воздушными шарами помельче, и лопнут, рассыпавшись в конфетти...

Хотелось нарисовать на стенке гриб зонтичного вида, со спицами вместо пластин.

Хотелось всех обнять, и уснуть, и вылететь в форточку. И вообще – либо к звездам, через тернии – говорят, что из него тоже, из терна, гонят что-то полезное и вкусное, – либо в пропасти, где артефакты и подземелья.

Все это выкрикивалось беспорядочно, сквозь подростковые слезы, исполненные горькой обиды. Да что там – сама обида сочилась сукровицей, отчасти фармацевтическая по составу.

– Ты мне про квоту скажи, – настаивал Артур Амбигуус-старший. – Неужели ты съел все двадцать пять?

– Чего двадцать пять? – ужаснулась Анюта, судорожно и без нужды вытирая руки о передник: фартук для передка, потому что она пекла и готовила в ожидании гостей. – Кусочков?

– Грибов, – мрачно и злобно отрезал муж. – У них наладился грибной рэкет, настоящая бандитская бригада. Грибная мафия. Он думает, отец не в курсе. Его бы доить – и достаточно!.. Доить и долбить!.. И долбить!..

Анюта, любившая профессиональные откровения мужа-Артура, всякий раз, когда слышала нечто подобное, удивлялась и охала.

– Неужто нельзя их скосить, поганки эти? Вытравить их чем-нибудь, как сорняки?... Вытоптать?

– Твоими-то ножищами – конечно... нельзя, – пробормотал тот и выпустил из побелевших пальцев отбагровевшие сыновьи уши. Потом размахнулся и влепил наследнику наркологической службы, будущему фармацевту и химику, такую затрещину, что тот пролетел в свою детскую, как распростертая птица.

Итак, этот юный наследник был бит, его выбрали.

В детской он заперся, скорбно глядя на глобус и карту двух полушарий.

2. Прибытие, ничем не омраченное

Вскоре, заканчиваясь, начался трезвон – хорошее слово, которое означает не только звонки в прихожей, но и состояние психики, – один за другим появлялись милые и покамест умеренно трезвые гости, приглашенные по случаю уикенда.

Артуру Амбигуусу-старшему очень нравилось это слово; он причислял себя к классу чуть выше среднего, хотя и напрасно, ибо не имел ни машины, ни дачи, ни даже достойных упоминания сбережений. А всех своих гостей он загодя причислил к рангу пониже, хотя пожаловали все те же, надоевшие неизменные лица: окулист Извлекунов, сосед по лестнице Гастрыч (вот бы такое отчество, да нашему недавнему – впрочем, раз мы только что соизволили приступить к делу, будущему – метрдотелю; но это, по настоящему утверждению носителя, была фамилия; нарочно рылись в святцах, искали имечко, не нашли); супруги Кушаньевы, детские врачи; терапевт Краснобрызжая, лечившая колбасно-сосудистые заболевания; Оранская: экзальтированная подруга жены со студенческих лет, а также друзья детства самого Артура Амбигууса-старшего: Крышин и Ключевой, всегда ходившие парно, а иногда и копытно, приглашенные по не вполне понятной причине. Детей не взяли, детям было бы скучно. У Крышина и Ключевого детей и не завелось.

Хозяин уже разгуливал по столовой в накрахмаленной рубашке и позвякивал ножом о бокалы двух разных калибров: малого – выпить, и большого – запить.

Так он выражал свое благожелательное нетерпение.

Анюта занималась последними приготовлениями: румянила щеки, наращивала ресницы, приводила в порядок оборки и складки. Она то и дело подергивала себя за гранатовые бусы, прикидывая, насколько удачно те сочетаются с давнишним подарком мужа, тоненькой золотой цепочкой. Сменила сережки на клипсы, потом одумалась и сделала, как было раньше. А пальцы с остро заточенными ногтями погрузила в разноцветные блески, чтобы прилипли.

Из столовой слышались восхищенные возгласы: каждый прибывший не упускал несчастного случая похвалить недавний ремонт, который удался не во всем и не везде.

– Обои, – со знанием дела говорил Кушаньев. – Все дело в обоях.

– Да нет, в портъерах, – возражала ему жена.

– Портъеры – в спальне, – заметил окулист Извлекунов: маленький, упругий, чернявый, похожий на извлеченное из-под века инородное тело. Таким он и был – особенно когда напиившись: соринкой в глазу.

– Кропили квартиру? – озабоченно вмешалась Оранская: маленькая, неопределенного возраста сухопарая дама в очках, работавшая в обществе «Знание». И там она занимала свое, от века ей назначенное место, ибо все знала о демонах, заговорах, наговорах и приговорах, да в придачу прочла десять томов Карлоса Кастанеды, после которых полностью сошла с незатейливого ума: одолела все книги Лазарева, среди них были даже ненаписанные – до поры, а также Малахова, Мулдашева и Блаватской.

Амбигуус недвусмысленно удивился:

– Зачем?

– После ремонта всеми рекомендуется пригласить священника и совершить над квартирой обряд, – Оранская поджала губы. – Иначе в новом и чистом месте может поселиться неведомое и незваное. Кроме того, у меня есть знакомый и надежный человек, который ходит с рамкой...

– Какой он ходит? – провокационно подмигнул Извлекунов.

– Носит рамку, – ровным, натянутым тоном отозвалась Оранская. – Возможно, – она обратилась к хозяевам, вставшим навытяжку, – у вас неправильно расставлена мебель, особенно супружеская постель.

– И что же случится? – испугалась Аня.

– Энергетически неправильно расставлена... – гнула свое приятельница, будто не слыша. – Возможны несчастья... Есть и знакомый с лозой и слезой; где дрогнет лоза, там капнет слеза...

Но тут Ключевой и Крышин переглянулись, кивнули, ударили в ладоши:

– Мы тоже знакомы с Лозой и всегда плачем, когда слушаем его песни... Но не пора ли нам, господа... закусить и оценить хлебо и сольство наших хозяев? Томительное созерцание, – они указали глазами на стол. – Нам бы подкрепиться с дороги.

– А кто там плачет? – спросила добрая и толстая терапевт Краснобрызжая, усаживаясь на специально приготовленные два стула. Она была невообразимо, болезненно полна. В ее кабинет провели даже специальный шнур, потому что иначе она не могла завести руку за спину, запрокинуться и дотянуться до кнопки вызова больных. Ее называли настоящей участковой, ибо на нее приходился огромный участок пространства, росший прямо пропорционально съеденному.

– Отпрыск, – отмахнулся Артур Амбигуус. – Скотина. Не слушайте, накладывайте себе салат. Берите шпротки. Урод он и есть урод, – добавил хозяин, покосившись на запертую комнату. – У нас же семья. А какая песня без баяна?

– Слушайте анекдот! – Гастрыч весело закатал рукава. – Приходит, значит, мужик домой неожиданно. А баба его хахалю своему...

Была в нем какая-то обволакивающая мандалообразная камбалообразность, привлекавшая женщин.

3. Секрет

Сильно подвыпившая Оранская сняла туфлю и начала бить каблуком по столу – приподняв, правда, скатерть и подложив салфетку, где мгновенно образовалась рваная рана. Казалось, ей хочется либо начать, либо закончить ядерную войну.

– Послушайте, что я вам скажу, – сказала она. – Мальчик находится в стадии поиска. Мальчик ищет потустороннего, космического опыта. И я читала, что некоторые галлюциногенные грибы помогают людям прийти в нормальное людское состояние, при котором разрушаются барьеры, размываются границы, и все запредельное становится зримым, доступным... Вы зря наказали Артурчика.

Миновал всего час, но уже через десять минут все были основательно навеселе.

– А где же малец? – бодро поинтересовался Ключевой, хотя сей вопрос обсуждался не менее десяти раз.

– Размышляет о вечном, – сердито сказал Амбигуус. – Абстрагируется. Чай, не мальчик. Ключевой думал иначе.

– Отчего же не мальчик, – вступились за грибника педиатры. – Ему еще нет и восемнадцати, он обычный ребенок. Хотя бы чисто формально. Вам известна теория Пиаже?

– Зато он пакостит конкретно, – пробурчал папа мальчика.

– Мне известна теория М и Ж, – парировал, поддерживая товарища, Извлекунов, вынимая себя из-под скатерти, как инородный предмет из-под века: ловко и профессионально. – Где тут у вас, господа хорошие, удобства? Перепланировку не делали? – Он словно излизнулся и вытек наружу.

– Где всегда, – Амбигуус положил себе всякого маринада. Но вдруг Анята Амбигуус посмотрела на удалявшегося Извлекунова с неожиданным испугом.

– Артур, – прошептала она. – Мы же совершенно забыли...

– О чем ты, лапочка? – Амбигуус вынул волос и употребил некогда рыжий рыжик. Волос он положил на край тарелки для показа жене.

– Он пошел в туалет. Мы опять забыли, что там...

Старший Артур Амбигуус откинулся в хозяйском кресле. Действительно, они упустили из виду нечто важное. Вся незадача заключалась в том, что они не могли позволить себе даже малого подобия евроремонта. И делали по-простому. Поэтому поголовное восхищение сразу же показалось ему, Артуру, неискренним и дежурным. Но, может быть, гости еще и не отстрелялись. В кабинете, куда направился Извлекунов, употребивший чересчур много жидкости переменного градуса, творилась вещь немыслимая, невыносимая в приличном доме потомственного интеллигента, женатого на простой потомственной бабе.

Все произошло после того, как поменяли сантехнику. Аняте не нравился ее унитаз, он казался ей ветхозаветным и допотопным, ибо грозил нечистым потопом; он никак не соответствовал не только международным нормам, но даже тому, что ей приходилось видеть в облагороженных вокзальных уборных. Салатная зелень, небесная синева, розовые мечты – все это были расцветки, которых она желала, и унитаз заменили вместе с бачком.

«Мамочка! – хрипло позвал ее слесарь, который принес в бесполой шапочке цемент и сильно шатался. – Мамочка!»

Его швыряло от стены к стене с периодическим выбросом в удобство.

Анята принесла валидол, потому что решила, что слесарю плохо после вчерашнего, однако ему было благодатно после сегодняшнего.

«Мамочка, попрощайся с горшком!» – пригласил он и выдрал сосуд из каменистого пола, на поверку оказавшегося отчасти земляным. Новый горшок, цвета встреч и прощаний, установили – по причине неровности пола – на небольшом возвышении, и вышел как будто скромного вида трон. Из-за бугристости основы плитка легла средненько, и новоеместилище отходов – а будучи купленным, и доходов – осталось окруженным тонкой полоской землицы. Она напоминала не то бесполезный для укрепления крепости вал, не то ров, не то прихотливый узор. Это была настоящая, очень старая земля, которая почему-то встречалась даже под половицами четвертого этажа.

«Старые перекрытия, мамочка», – улыбнулся слесарь, годившийся ей в непутевые и неблагодарные сыновья.

Земля плодоносит, это общеизвестный факт. Специально там, разумеется, никто ничего не сеял. Но нечто поселилось самостоятельно: не слишком разумное и вечное, но достаточно постоянное: позднее, по чистой случайности занимаясь уборкой, Анята обнаружила позади трона три длинных, абсолютно белых пластинчатых гриба на хилых ножках. В их смертоносных качествах сомневаться не приходилось.

Анята Амбигуус дождалась Артура-старшего и не без гордого ликования указала ему на рассадник отравы. Она намекала на скаредность супруга, не давшего денег для нормального обустройства удобства.

Амбигуус, помнится, тогда испытал уже давно забытый приступ сильнейшей тошноты, так как алкогольное прошлое надежно лишило его рвотного рефлекса. Дрожащими руками он отмотал половину бумажного рулона, выдрал грибы и, даже не пытаясь их рассмотреть, отпра-

вил по назначению в фановую преисподнюю. Потом принялся удобрять нейтральную полосу, которая вдруг отошла к врагу. В его распоряжении были йод, стиральные порошки, перекись водорода, какая-то другая бытовая химия, оставшаяся после ремонта, растворители и пятновыводители – не было пустяка: грибовыводителей, а некоторые споры, как рассказывают знающие люди, пересекают даже космическое пространство с целью создания великих цивилизаций. Возможно, росту грибов способствовало само назначение места, да личные качества тех, кто туда приходил. Короче говоря, не прошло и двух недель, как грибы заколосились вторично.

Это напоминало историю Гастрыча, которую тот в притчевой манере очень любил рассказывать окружающим.

«Я был стойким цветком, проросшим сквозь щебенку между шпалами. Над таким лютиком-одуванчиком, а то и маргариткой-колокольчиком, грохочут поезда. Иной жизни цветок не знает. За железнодорожным полотном – его свободные, сочные собраты; он же кичится и довольствуется своей судьбой. Он закаленный! Он мутант. Он крепчает, а те – гниют. Семена разлетаются прочь, вхолостую. Насекомые – редкие гости. Он пропитан металлами из нижних строк таблицы Менделеева, а также их соединениями. Зато его не рвут в букеты, не кусают коровы. У всякого существования – свои личные язвы. Таким уж мне выпало родиться, такая моя судьба».

«Может быть, это шампиньоны? – Амбигуус взялся за подбородок. – Растут же они во дворе целыми выводками».

«Желаешь отведать?» – Анюта, сожалея о неизбежном слабоумии даже такого ученого человека, как ее муж, обвила ему шею руками.

«Залепить пленкой, – решил Артур. – Закрасить, зашпаклевать».

Но он был врач, а не столяр, и не плотник; к хозяйственным работам не привычный и до них не охотник, он все делал абы как: тут не докрасил, там не доклеил, а растения, желавшие жить, шли напролом, лезли, перли и, мало того, множились.

Надо же было случиться такому, что сегодня про них совершенно забыли. Впрочем, это понятно. Гости – событие радостное, а все радостное привычно вытесняет из нашего сознания обыденные тяготы.

Тяготы же сделались именно что обыденными. Да и не было их вовсе: кому помешают грибы, если откинуть стульчак или вообще развернуться спиной?

Теперь Артур Амбигуус-старший страдал, гадая, не трогал ли грибов его пытливый отпрыск. С него станется. Ведь это, не иначе, были бледные поганки, гарантированная смерть – бледнее некуда. Конь блед.

4. Дознание дилетантов и специалистов

– В сортир никому не треба? – безжалостно спросил Извлекунов, на ходу вытирая руки обеденной салфеткой, зачем-то взятую с собой – вероятно, готовил на роль носового платка: надо же вымыть руки, а полотенца специально ему не показали. Перед выходом он потрепал писсуар по щечкам и погладил сиденье по рожкам. – Договариваемся так. Берем корзинки, ножики; обуваемся по-болотному, намазываемся отравой для комаров – и за дело! Сезон клещей уже позади. До сезона дождей еще далеко... Хотя здесь, в создавшейся обстановке, я никак не могу исключить...

– Что такое он говорит? – не поняла Краснобрызжая, доедавшая вторую добавку борща.

– Все шутит, – хором догадались Крышин и Ключевой.

– Нашел-таки, – покачал головой сильно захмелевший и по-соседски посвященный в проблему Гастрыч. У Гастрыча была замечательная способность: посвящаться в беды, события и проблемы, не касавшиеся его ни в малейшей мере; при этом рассказчик все излагал, будто бы

это он сам горел желанием излить свою бессмертную душу неизвестно во что. Между тем резервуар внушал сомнения.

– Да у них в сортире грибы растут! – воскликнул Извлекунов, предчувствуя, что все сейчас набросятся на него, ибо своим приходом и предложением он оборвал застольную песню про барабан, который был плох, и барабанщика, который был Бог. «Погиб наш юный барабанщик, но песня его не умрет...» Или как-то иначе они пели. «Барабань! Барабан!..»

Но никто не огорчился.

Чета Амбигуусов смекнула, что если не признаться во всем и не перейти Рубикон и Сиваш хотя бы в подобии контратаки, то дело кончится не как с безбашенным барабанщиком, которого смертельно ранили в барабан, но гораздо хуже.

– Пойдемте, посмотрите все, – старший Артур Амбигуус отшвырнул салфетку и шумно встал. – Ремонтники, распоследние суки, оставили узкую земляную прослойку. Мы глядим – и действительно! Удивительно! И ничто их не берет!.. Листья дуба упали с ясеня...

Целая процессия, замыкаемая неповоротливой Краснобрызжей, потянулась в отхожее место. Все поочередно убедились, что Извлекунов не солгал. Он, окулист, обладал отменным зрением и рассмотрел даже самые маленькие грибочки, совсем еще крохи, кого и травить-то совестно.

– Мы и на флоте самых мелких, новорожденных тараканов не трогали, – признался почему-то Кушаньев. – Пускай, думали, побегают, падла. И без того жизнь собачья. И вообще – какое удовольствие?

Оранская прислонилась к стене, держа бокал с отыгравшим шампанским.

– Я еще раз повторяю: надо все окропить, – твердила она. – В грибах... Они. Союзники. В них страшная сила. Можно изготовить свою собственную копию, если правильно съесть.

– Зачем же вам копия? – осведомилась тучная Краснобрызжая, которой с избытком хватало нажористого одиночества. Она была плохим терапевтом: не понимала людей и все мерила по себе. Она всем советовала хорошо кушать.

Оранская отпила из бокала и закатила глаза:

– Чтобы обмануть Бога. После смерти Бог отправляет копию в Ад или, если тот облагородился, утучнился, воспарил, нахватался разных сведений – пожирает и прилагает к себе. А настоящий воин странствует по мирам, какие вам и не снились... Приходите к нам на лекцию. Будут слайды. Например: зачем умерших зашивали в шкуры? Чтобы провести Того, Кто поедает нажитый рассудок. А со зверя какой спрос?

– Шкеты какие, – попенял воинам Гастрыч. – Господа Бога надувать, как, извиняюсь, кобылу. А то он не разберется.

У Гастрыча всегда имелось оригинальное мнение по любому поводу. Однажды он подал в газету бесплатное объявление: «Вмещу мир, недорого».

– Вам хватит, – бесцеремонный и бесконечно шутливый Извлекунов вдруг взял от Оранской бокал за ножку как истинный профессионал, у которого, сколько бы он ни выпил, перестают дрожать руки во время ответственной операции.

Между тем Гастрыч-сосед нагнулся и осторожно сорвал один гриб. Гастрыч работал шофером грузовика; он, замечательный сосед, был крупный, хозяйственный мужчина, исключительно домовитый. Вот у него, в отличие от Амбигууса, все ладилось и спорилось – и тебе полочки с уголками, и кафель, и пол умел циклевать, хотя жил безнадежным холостяком. Были, однако, и некоторые другие, тоже очень удобные, приспособления, каких не найдешь у заурядного мещанина даже во дворянстве, но про них речь пойдет впереди. Правда, ему самому недоступны были спасительные познания Артура Амбигууса-старшего, которому случалось изгонять из Гастрыча то однодневный, то, если повезет, многодневный запой. Амбигуус ставил ему капельницы за половину номинальной стоимости, по-соседски. Жил Гастрыч, повторимся, один. «Буду водить к себе, пока могу», – говаривал он.

Гастрыч размял гриб в натруженных пальцах, растер, понюхал.

Кушаньевы брезгливо отвернулись.

– Слышишь, сосед, – сказал Гастрыч, который и в грибах разбирался не хуже, чем в коробке передач, хотя есть люди, считающие, что это – телевизор. – А ведь у тебя совсем не бледная поганка. Это у тебя не пойми что выросло. Может, сынка твоего кликнем? Не ими ли он промышляет?

Гастрыч говорил наполовину как доктор, открывший новую болезнь, а наполовину – как следователь.

– У нас тут уже созрел тост, – воспротивились Крышин и Ключевой, друзья детства Амбигууса-старшего и давно стремившиеся подружиться с Амбигуусом-младшим. – Пойдемте за стол. Что мы тут столпились вокруг горшка? Подумаешь, природа. Мы дождались от нее милости, ну и спасибо ей. Все, на что она годится...

– Да, пойдемте, – обрадовалась Аня. – Я повторю горячее, там еще много осталось. Гастрыч, брось эту мерзость и вымой руки.

Никто не хотел возражать.

В столовой старший Артур Амбигуус сел и мрачно уставился в направлении комнаты сына. Из-за плотно запертой двери доносился бессмысленный негритянский рэп.

Не выдержав и разве что подержав, но не прочувствовав печенью тост, остроумно сплетенный Крышиным, он встал и отправился к своему младшему Артуру. Войдя, притворил за собой дверь.

Тот, памятуя об ушах, немедленно убавил звук и отложил полный кляссер с международными лизучими марками, которыми утешался.

– Слышишь, Артур Артурыч, – отец, когда под впечатлением должности выпивал, всегда размножал себя, обращаясь к сыну по имени-отчеству. – Говори правду, пока не поздно. Ты грибы из сорта ел?

– Из сорта? – глазенки Амбигууса-младшего вытаращились. Он ждал обвинений в мелком гангстерстве, туеядстве, но только не в этом. – О чем ты толкуешь, батя?

Батя сверлил его взглядом. Нет, этот олух не замечал вокруг себя решительно ничего. Весьма вероятно, что он не кривит душой и не имеет понятия об отхожих грибах.

– В сортире, как ты хорошо знаешь сам, выросли грибы, – произнес он строго. – Все пересчитаны. Если я недосчитаюсь хоть одного... Впрочем, они смертельно ядовитые, – Амбигуус, будто ему было безразлично, пожал плечами. – Я недосчитаюсь тебя. Ты поймал такую галлюцинацию... галлюцину, вот уж каламбур... что назад уже не вернешься. А будешь звать и просить: мама! папа! Уже с того света! Паря над самим собой, неподвижным и холодеющим! Лежащим на реанимационном столе, с катетером в писке! А папа – обычный нарколог! Папа не каждого вытащит с того света! Даже единоутробного (в этом старший Амбигуус запутался) сына! Ты понял меня?

– Понял, понял, – кивал запуганный отрок.

– И чтобы ни слова не говорил своим друзьям, отродью, по которому плачут все тюрьмы сразу... Канальям, дебилам, мордоротам..., – и он почти целиком перечислил химический факультет, временами сбиваясь и включая в перечень собственных, подзабытых однокурсников.

– Батяня, я никому, честное слово...

– Ну, добре.

Больше прочего Артура Амбигууса-старшего успокоило то, что сын не выказывал никаких признаков опасного отравления. Это внушало доверие и осторожный оптимизм.

5. Горящие моторы и трубы

Время шло. Краснобрызжая, переполненная борщом, удалилась первой. Она уже побрызгивала свеклой. За ней последовали Кушаньевы, выпившие, резвившиеся, как дети, которых они лечили. Он вырывал шарфик у нее, а она у него: Карл и Клара не крали, они затеяли веселую возню с кларнетом и кораллами, но это уже потом, без лишних глаз. Товарищи школьной поры, Крышин и Ключевой, покуда гости расходились, прилегли полежать. В активном – даже нежелательно активном состоянии – оставались окулист Извлекунов, Гастрыч и сам старший Артур Амбигуус, да еще, понятное дело, Аня-жена, уже убравшая со стола все лишнее и грязное, оставив только чайные приборы и недоеденный торт.

– Чего-то не хватает, – заметил, помолчав, Гастрыч.

– Ребенку понятно, чего, – мгновенно подхватил окулист.

– У нас, к сожалению, пусто... – пробормотал Амбигуус. – А у ребенка другие понятия. Ему не хватает другого...

– Так скинемся! – недоуменно ответил сосед. – Потом, у меня еще что-то там оставалось, но это на утро, на крайний случай... Когда хоть немного еще постою.... нннна краю-у-у-у..... но именно, что немного...

– Гастрыч! – Артур Амбигуус, перевоплощаясь в нарколога, формально погрозил ему пальцем. Неизбежного не избежешь.

– Да ладно тебе, – отмахнулся тот. – Баба твоя визжать не станет.

– При гостях она, конечно, потерпит, – сказал Артур, оглядываясь в сторону кухни и натываясь на грозный кулак Ани. Но кулак грозил не особенно строго, потому что кому же и вытрезвлять потом Гастрыча, как не кормильцу? Доход, радение о семейной казне.

– Как-нибудь выдержит и переживет. – Он полез за пазуху и вынул бумажник. – К сожалению, доходы наши...

Извлекунов, согласный на складчину, извлекал между тем какие-то деньги – тоже не очень большие.

– Так, – Гастрыч начал считать. – Ваши, мои... плюс у меня на совершенно пожарный случай. Короче, рекогносцировка: ждите меня – я скоренько сгоняю на угол, да загляну к себе...

– Без вас там добавлю своего ядовитого... – продолжил Артур Амбигуус ядовито.

Сосед прикинулся глухим.

– Одна нога здесь, другая там, – посоветовал окулист. – Потому что еще двое заснули на диванчике в спальне. В обнимку, как щенята. Тут остается развести ногами! – захохотал он. – Хотя нет, я пойду с вами. – Он почему-то перестал доверять Гастрычу. – Не возражаете? У тебя, коллега, занятые товарищи школьных времен. Ты, часом, не частную школу кончал, Артур? Какой-нибудь Итон? Сугубо для мальчиков? Но им тоже захочется, если проснутся...

– Вот сами и купят, – отрубил нежелательное «если» Гастрыч, уже готовый отправиться в привычное путешествие и ощущая в себе острое желание проверить карманы у спящих.

– Правильно, – согласился нарколог Артур. – Без работы меня не оставят. Иди.

Гастрыч, почему-то на цыпочках – не иначе, боялся-таки хозяйских жен – прокрался в прихожую и вышел. Извлекунов засеменил следом. Сию секунду возникла Аня.

– Артур, – она молвила укоризненно, но не вполне, ибо из нее пока тоже не выветрился хмель, да согревало назревавшее доходное дело.

– Все путем, – муж выставил ей ладони, которые бывали когда ладони, а когда и кулаки.

6. Астральные приготовления

...Вернулись нескоро.

– В вашем подвальчике такая толпа, – преувеличенно негодовал Извлекунов. – Пьяные юнцы, размалеванные, с серьгами в ушах, с кольцами в ноздрях, с девками и бутылками в... короче, все до единого – мои клиенты... С такими зубами, сплошь гнилыми...

– Ты же окулист, – напомнил ему Амбигуус.

– Да? Ну и наплевать, в мечтах я всегда был стоматологом. И родился уже с зубами... И фамилия, можно сказать, цеховая...

– Смотря, что за цех, – усмехнулся хозяин. – Я извлеку из широких штанин...

С этого момента знаменитый поэт припомнился и наново засел у него в памяти, что будет не однажды явствовать из дальнейшего.

– В такое время там вечно не протолкнуться, – сообщила Анюта Амбигуус про подвальчик, и можно было лишь удивляться уже ее-то, необъяснимой, осведомленности. Потому что как раз в подобные часы порядочным домохозяйкам не полагалось туда спускаться.

– В конечном разрезе, вот, – Извлекунов поставил на пятнистую к тому времени скатерть первое, второе и третье.

Ровно с тем, чтобы через полтора – по половине на емкость – часа все закончилось снова.

Лицо у Гастрыча после того, чего он хлебнул у себя на квартире, превратилось в застывшую карнавальную маску, но в ней сохранялось что-то неуловимое, мешавшее установить, задержать и запереть сказочного персонажа, который никак не поддавался идентификации.

Остаток отравы он захватил с собой.

Глубокая ночь продолжала, однако, стоять.

Это странное, сомнительное пойло допили мелкими рюмками для мелких глотков. Гастрыч уверял, что все это подействует как Огромный Секрет для маленькой такой компании, намекая на специфическую, личного сочинения, добавку.

Из спальни доносился храп друзей-одноклассников. Младший Амбигуус тоже крепко спал и видел цветные сны с привкусом кислой капусты. Ему снились марки с изображением далеких стран, однако погашенные кислотными рожицами. От впечатлений минувшего дня сохранилось то, что у посерьезневших рожиц отсутствовали уши.

Все прочие восседали молча и созерцали опустевший стол.

– Мы не можем отважиться, – первой сказала Оранская заплетающимся языком. И поправила очки. Только что она говорила обратное. Речь шла о доселе немислимом.

За несколько часов до того Гастрыч обыденным голосом предложил:

– А давайте мы этих грибов наварим...

Засыпавшего Амбигууса-младшего, чьи уши уже обрели мир и спокойствие, призвали и учинили допрос. Но тот вторично отрекся и побожился, что употребляет в себя только проверенные снадобья и вообще равнодушен к наркотикам. Он даже борется с ними, переводя многочисленных приятелей на поганки и помогая им слезать с более опасных веществ.

– За такую сознательность я тебя, безусловно, похвалю, – обронил отец, которому события представлялись теперь не в таком черном цвете. Ему примерещилось вдруг, что с такими наклонностями сын двинется по его стопам, из химии в наркологию – что, если вдуматься, звучало двусмысленно: такая уж фамилия. Сам-то он прибыл туда совсем иным путем, о котором не часто распространялся, но весьма, весьма заурядным.

Оранская очнулась от грез. Из-за внутреннего кипения стекла ее очков запотели.

Она неожиданно разглядела в грибах нечто, заслуживавшее внимания.

– А между прочим, в этих низких организмах может скрываться великая Вселенская Суть, – она продолжила уже начатую тему, теперь постепенно высматривая себе в грибах органических союзников для всемогущества и ясновидения. – И если изготовить отвар... декохт или тинктуру...

– Лучше пожарить с лучком, – невинно возразила Анюта Амбигуус.

– У вас, обратите внимание, пустые стопки, – этот ответный удар Оранской долетел ниже пояса. – Вы же врачи! – обратилась она к Извлекунову с Амбигуусом. – Уж не дадите нам помереть, спасете каким-нибудь снадобьем. Чему-то же вас там учили...

«Там» она изрекла донельзя презрительно.

– Извлекать великую Вселенскую Суть, – сумрачно согласился Извлекунов. – Зубную боль.

– Опыт! Опыт – сын ошибок трудных...

– Трудный... – неуверенно поправил ее Артур Амбигуус. – Трудный... ребенок.

– Может быть, Артура разбудить? – Анюту развезло-таки, и она уже ничего не сообщала. – Он же умеет варить грибы...

– Грибы варить умеют все, – сказал старший Амбигуус. – Любой присутствующий с удовольствием подтвердит, что у тебя это неплохо получается. Недурственны также соленья и маринады...

– Главное – варить их подольше, – прикидывал Гастрьч.

– Подольше не хотелось бы, – помрачнел изнывавший от жажды напитков Извлекунов. Оранская согласилась с ним:

– Может выкипеть самая сила, как витамин С из капусты, и тогда никаких двойников у нас не получится. Космос подчиняется законам энтропии, хотя это только наш космос...

– Ну, вас, сударыня, и повело, – отметил Гастрьч, как ему показалось, по-гусарски, и неожиданно, с отчаянностью, захотел послать ко всем чертям Анюту, схватить ножик и... отбить горлышко у внезапно воображенной бутылки шампанского; потом сграбастать Оранскую и отпраздновать труса, то есть кризис среднего возраста. – Победительница вампиров и посетительница сортиров... или наоборот...

Артур Амбигуус недвусмысленно посмотрел на распаренную Анюту. Оранская восседала, заведя глаза и совершая пальцами червеобразные движения.

– К чему нам ваш двойник, дамочка? – теперь уже насупился Гастрьч. – Нам добавить надо внутрь себе, и вся любовь. И можем добавить тебе внутрь тоже, если справимся. Вы тут без умолку о Боге толковали, да о космосе, а я, например, Господа Бога нашего уважаю и в обиду не дам.

Гастрьч шарахнул по столу, и все подпрыгнуло.

7. Капище

– Вы неразвиты, – отмахнулась Оранская. – Вы ничего не смыслите в грибах – особенно в их волшебстве.

– А вы смыслите? – Извлекунов задал встречный и унижительный вопрос. – Тех, что в сортире выросли, никто и не признал. Или сразу помрем, или помучаемся, как выражаются в кино.

– Но что, если это – знак, откровение, особое явление: вот где искать Истину, хотя в таких местах откровенничают не самые светлые силы...

– В общем, кончай базар, – Артур Амбигуус-старший и не заметил, как оборотистый Гастрьч постепенно захватил инициативу, готовый выпить и съесть что угодно – лишь бы переиначить свое опостылевшее сознание.

Все встали из-за стола и, осторожно ступая, чтобы не разбудить счастливого сновидца Артура-младшего, путешествовавшего по изображениям экзотических стран на марках с кислотными помарками, приблизились к санитарно-гигиенической поляне, возбуждавшей всеобщий интерес.

Грибы торчали себе.

Их было несколько, пять или шесть, не считая выданного и уничтоженного Гастрьчем ради предварительного и поверхностного знакомства. Они выглядели отвратительными и казались уже не полностью белыми, но с губительным сероватым оттенком. «Все, что гибелью грозит... таит... необъяснимое блаженство», – напомнил Гастрьч с небольшими погрешностями и купюрами. Они выросли в доме, не выходя за порог презируемой теплицы, в атмосфере без

солнца, которая никак не могла по-хорошему сказаться на сути – о чем бы им не вещала сумасшедшая Оранская.

– Дрянной у тебя выключатель, – на ходу бросил Гастрыч. – Поменял бы.

Хозяин промолчал. Он, признаться, недолюбливал соседа за умение починить кран и переменить лампочку. Однако Артур Амбигуус решил смолчать – мол, и этот работает хорошо. Мало ли что – дело предстояло рискованное, на Оранскую он мог полагаться только в мечтах, и то в ином смысле, а тут нужно было косвенно, без касаний, положиться на прочное и надежное рабочее плечо. Выражаясь точнее – чутье. Как часто бывает, что в нас перемешиваются и заменяют друг дружку разные органы и процессы – например, обоняние и плечи.

– Тащи сюда кастрюлю, – распорядился Гастрыч и сел на пол, раскинув ноги по бокам от вместилища переработанного комбикорма. Он обращался именно к этому предмету, но за кастрюлей устремилась Анюта.

Артур Амбигуус переминался с ноги на ногу.

– В этом сортире действительно... вечно перегорают лампочка и что-то журчит... хрипит и стонет...

– Вот видите! – взметнулась Оранская.

– Особенно, если слить, – добавил окулист.

Сказав так, Извлекунов привалился к косяку и молча следил за событиями.

– Если выйдет приличная вещь, – рассказывал Гастрыч, – мы ее на продажу пустим. Будем бодяжить... хотя бы тем же лесным отваром.

Оранская взялась за виски:

– Помилосердствуйте! Двойники получаются неполноценные. Практически призраки... или уроды, чудовища...

– Ну, и эти сгодятся на что-нибудь. Когда понадобится, может, удержат чего в руках – скажем, свечку – или хоть просто поприсутствуют. Для массовости...

Анюта вручила Гастрычу огромную темно-зеленую кастрюлю для варки варенья.

– От, знаете, мне врезало раз по мозгам! – вспомнил Гастрыч.

Извлекунов не выдержал:

– И не раз. Тут литров пять. Все собираетесь сварить и выпить?

– А мы что, куда-то торопимся? Если ты спешишь – пожалуйста! Извлекай сыроежку и жри. Давай, выдирай! Дойдешь как-нибудь... куда-нибудь... космонавт. А мы будем степенно чаевничать. Такой напиток пьется чайным прибором, – с легкими погрешностями в грамматике рассуждал Гастрыч. – Мы его по чашечкам разольем. Поварешкой. Кто хочет – подсластит, кто нет – посолит... поперчит...

Артур Амбигуус-старший не без профессиональной гадливости взирал на грибы.

– Их бы помыть для начала, – высказался и он. – Это же моя земля, как-никак. Знаешь, сколько я в нее вложил?

Он распахнул дверцы встроенного шкафа, и все увидели там прорву банок с растворителями, лаками и антисептиками.

– Никакой твоей земли нет, – возразил Гастрыч. – Квартира твоя, а земля не твоя. Закона еще нету такого, чтобы все тут твое было. И эти грибы, земляницей рожденные – наше общее достояние. Может быть, это клад? Нам причитается двадцать пять процентов...

Он сгреб все грибное семейство в горсть, напоминавшую ковш; выдернул вместе с несерьезной, сочащейся прохладным потом грибницей и швырнул в подставленную кастрюлю.

– Надо было ножом, – спохватившись, сказал Извлекунов, и тут события могли закончиться, не начавшись, ибо стал неожиданно разгораться извечный спор о предпочтительном сборании грибов: срезать их или вырывать, не щадя корней? Но спора не вышло, потому что Гастрыч пожал плечами и просто ответил:

– Поздно уже. Фаусту хотелось остановить мгновение. Мы, прогрессивные люди, повелительно приказываем: мгновение, раздвинься!

Грибы промыли в нескольких водах; очистили от землистых наслоений и даже начали трезветь, увлекшись общим трудом. Одна лишь Оранская сидела, забившись в угол дивана, погрузившись в ладошку огромным лбом и внутренне приготавливаясь к путешествию в неведомое.

– Грибы надо варить минут двадцать, – сказала Анята Амбигуус.

– Ну, этим и двадцати часов будет мало, – не согласился Извлекунов.

– Как закипят, так и выключим, – подытожил Гастрыч.

В Артуре Амбигуусе созрело желание язвительного сарказма. Он, не вдаваясь в причины одного, вспылал неприязню к соучастникам:

– Зажечь огоньку? Извольте, сию секундочку... милостивый государь, – он думал этим обращением унижить Гастрыча, так как тот и мечтать не смел, чтобы его хотя бы раз в жизни обозвали государем, но Гастрыч почитал себя пусть и не всегда милостивым, но государем – запросто, а потому кивнул по-соседски: – Давай, зажигай.

И стал наблюдать, как Артур семикратно хлопает себя по карманам в поисках утраченных спичек: их там быть не могло, потому что старший Амбигуус видел в спичках низкий, пролетарский предмет и всегда пользовался зажигалкой.

Не найдя же спичек и воспользовавшись зажигалкой, он мигом обжегся, тщетно воспламеняя плитку. Гастрычу это надоело, он отобрал зажигалку и крутанул колесико каменистой подушечкой своего пальца.

Конфорка вспыхнула.

На глаза соседу попался большой кипятыльник; он и его опустил для космического ускорения, исчисляющегося в жэ.

8. Двойственность натуры

– Плинтуса у тебя плохо положены, сосед, – озабоченно молвил Гастрыч, не забывая следить за кастрюлей.

Артур Амбигуус сжал кулаки. Ночь изрядно затягивалась. Дамы зевали; Извлекунов тоже готов был прикорнуть где-нибудь, откуда его можно было бы легко и просто извлечь на завтрашний вечерний прием.

– It was a hard day's night, – пробормотал он сокрушенно.

– Понимает! – насмешливо кивнул в его сторону Гастрыч. – Все, братья и сестры! Кипит! Не суйся, током получишь, – он оттолкнул Артура-нарколога, потянувшегося за кипятыльником непрофессионально, как почудилось Гастрычу. – Все сделаем сами, оближете пальчики. Есть у вас чем облизать? А развести? Морсик какой-нибудь или сок?

– Грибной отвар? Морсом? – ужаснулась Анята Амбигуус.

– Славная ты соседка, – Гастрыч достаточно панибратски похлопал ее ниже спины. – Что, не держишь?

Хозяин вдруг понял, что Гастрыч зондирует почву для будущих частных встреч.

– Тогда намешаем варенья какого-нибудь и разболтаем. Готовь чашечки.

Анята уже беспрекословно повиновалась ему, как будто Артур Амбигуус улетучился из ее жизни заодно с грибным паром.

Артур же следовал за простенькой мыслью соседа: в их квартире не держат безалкогольных напитков. Это хорошо. Потому что пить нужно каждому.

«Завтра же набью холодильник соками, – решил Амбигуус, в котором все отчаяннее и быстрее тараторил токсиколог-таракан. – Фруктовыми, овощными, ягодными – без разницы. В пику соседу. В осиновый кол».

Одновременно Амбигуус подумал: а не послать ли ему к черту нарождающуюся голубятню? Летите, голуби, несите народам мира наш привет. И чего он не видел в Анюте такого, что невозможно одолжить соседу, вроде точилки или пилы?

Но, спокойствия ради, он начал воображать себе холодильник, под завязку набитый не только соками, но и молоком, ряженкой, кефиром... и чем-то еще, мутным, в полулитровых банках со съёмными просто так и завинчивающимися крышками. Видение сделало шаг назад, а действительность – два шага вперед. Не успел он и глазом моргнуть, как все уже сидели вокруг стола, и перед каждым стояла цветастая чайная чашка с дымящимся бульоном-декоктом. Одна была без хозяина, дымилась сиротливо – он сам и был ее хозяином.

– Семеро одного не ждут, – предупредил Гастрыч.

– Где ты насчитал семерых? – огрызнулся Артур и занял свое место.

– Это я так, балую и шуткую, – сосед склонился над блюдцем, в которое слил напиток, и начал дуть. Затем по-купчески принял его на пальцы.

– Вздрогнули? – сказал он со вздохом.

– В неизведанное... – прошептала Оранская.

– Ну, это вряд ли, – буркнул Амбигуус.

– А я вот храбрая, – невыразительно объявила Аня Амбигуус и сделала крупный глоток из чашки, опередив даже Гастрыча.

Тот прямо оторопел, так и держа свое блюдо.

– Ну, мать, ты отчаянная, – молвил он не без уважения. – Я же для потехи затеял... не пить же это, в самом деле. Но раз так складывается серьезное дело... – Он шумно высосал блюдо.

– Вы большой юморист, – Извлекунов пригубил и попытался разобраться во вкусовой гамме, начавшей отдавать у него в ушах звуковой. – Варенье чувствуется, а больше ничего. Ну и сортиром отдает, разумеется, свиномаслом... Чай, батенька, найдутся здесь мужчины и не трусливее вас, пусть и меньших масштабов.

– Ты, глазастик, не чмокай, а допивай, – строго распорядился Гастрыч. – Почитай, вместе на дело ходили.

– О да, – кивнул глазастик, еще недавно – окулист. – И пили на брудершафт.

Содержание яда в его интонациях утроилось – вероятно, под действием яда грибного.

– Нет, не успели еще, – сосед огорчился всерьез. – Давай-ка, брат, исправим ситуацию...

Не успел Извлекунов опомниться, как их локти переплелись, и он уже допивал из чашки Гастрыча. Гастрыч хлюпал, приканчивая бульон окулиста.

– Только без... – окулист отпрянул. – Пускай лучше эти, которые прикорнули, которым природой жестоко назначено.

Извлекунов намекал на спавших Крышина и Ключевого. Но это его не спасло, он не сумел уклониться от медвежьих объятий Гастрыча и почувствовал, что его по-медвежьи целуют. Отвечать не хотелось, он лишь похлопывал по взопревшей спине: ну будет, будет. То есть, не будет, ничего и ни за что с ним не будет. А Гастрыч, как в сказке про обыкновенное чудо, превратится из медведя в принца голубых кровей. И кровь понудит его пренебрегать принцессами, он примется назойливо искать встречи с охотником...

– А со мной? – взревел Гастрыч и сгреб окулиста в охапку.

– Постой... те, – воспротивился глазастик, видя желание побратима повторить обряд. И вдруг онемел. К нему тянулся, на него намеревался вывалиться совершенно другой Гастрыч. Прежний офтальмолог с сертификатом о высшей категории, уже сделавшись ему братом благодаря брудершафту, сместился куда-то в сторону и с не меньшим удивлением таранился на тушу, образовавшуюся под боком: те же брюки, те же подтяжки.

Оказалось, правда, что пожелавший брататься не имеет в виду Извлекунова. Извлекунов оглянулся и будто заглянул в зеркало-его-свет: рядом сидел такой же, как он, глазастик, в смятенных чувствах, захваченный немотой.

Извлекунов, с которым уже поцеловались, обвел взором стол.

Вокруг, теснясь по двое на одном стуле, сидели пары ошеломленных близнецов; особенно неприятным оказалось раздвоение Оранской, ибо ее экстатические вопли удвоились.

– О, – кричали-орали одинаковые оранские дамы, воздевая руки к люстре. – О, я вижу Тебя.

Кого именно им повезло созерцать, никто до конца не понял. И постарался не расспрашивать, дабы не узнать и не хватить лишнего.

Что до Артура Амбигууса-отца, то ему по старой привычке показалось, будто у него зауядно и спяну двоится в глазах. Он взялся их протирать и понял, что дело неладно, лишь ощутив такие же толчки локтями от своего дубликата. Тот тоже натирал себе глазные яблоки до спелой красноты. Покуда все эти события разворачивались во времени да пространстве, за окном что-то дрогнуло, знаменуя приближение утра.

9. После бала

Дверь, ведущая – вернее, преграждавшая путь – в спальню, распахнулась, и на пороге возникли счастливые Крышин и Ключевой. Они были похожи друг на друга и без напитка; высокие, пышущие здоровьем блондины. Оба нехорошо выпались.

Приумножение общества им стало заметно не сразу.

– А вы все сидите! – поразился Крышин. – А нас вот сморило. Знаете, бывает так: пашешь, пашешь...

– Да всем тут известно, как и что вы пашете, и что за борона, – раздраженно бросил Артур Амбигуус, но вот который из двоих, осталось загадкой. – Уже старые кони, а все в борозду норовите, чтоб не портилась. Не заросла бурьяном?

Одна из Оранских сорвалась с места, бросилась в коридор одеваться, но ее силой вернули назад.

– Сиди себе тихо, – приказал Гастрыч: похоже было, что первичный. Второй тем временем увлекся брудершафтом с вторичным окулистом.

– Вообще никто отсюда не выйдет, – распорядился сосед.

Анюта Амбигуус взялась за сердце, ей сделалось дурно. Вторая Анюта побежала к аптечке за валидолом и нашатырем. И, возвращаясь, растаяла на полпути: коробочка с лекарствами грохнулась на пол, и ртутный шарик, выпавший из градусника, уже куда-то весело покатился, как матросское яблочко.

Извлекунов открыл, что от него отвязались.

Сосед Амбигууса пропал, будто и не являлся.

Пустота, обернувшаяся было вторым Гастрычем, лезла с поцелуями к пустоте, недавно бывшей вторым Извлекуновым.

Оранская потеряла сознание, оставшись в своем исходном одиночестве. Во всяком случае, именно это она попыталась изобразить.

Крышин и Ключевой продолжали стоять, не понимая происходящего.

– Что-то случилось? – осторожно спросил Ключевой. – Куда это разбежались гости? Или у нас мельтешит в глазах?

– По домам разошлись, – скучающим тоном отозвался Гастрыч, похотливо рассматривая Анюту в упор: та пробуждалась к жизни безо всяких лекарств. – Приглючилось.

«Добрая баба», – соображал про себя Гастрыч, одновременно, взяв под руку и выводя в подсознание Оранскую.

Извлекунов заглянул себе в чашку, где увидел кольцо розоватого осадка. Наползли воспоминания младенчества: розовое пластмассовое кольцо, которое ему совали грызть, как собаке.

– Зима недолго злится, – молвил он неуверенно и не к месту. – Весна в окно стучится... и гонит... со двора....

На этих словах у него заклацали зубы, которые он некогда мечтал извлекать. Может быть, с самого детства, у приятелей по песочнице, имея готовый набор своих и считая, что тем – не положено.

В следующий миг все оглядывались и осторожно пощипывали друг друга: не задержался ли здесь кто потусторонний? Не призрак ли рядышком ковыряет в зубах?

Нет, все были самые обыкновенные: не выпавшиеся, плававшие перегаром, с декоктом в оранжевой кастрюле, из которой торчала длинная разливательная ложка.

– А по-моему, все на месте, – засомневался Крышин и пригладил клок волос, отлежавшийся на подушке и теперь непристойно вставший. В черепе неприятно кольнуло. – Колбасно-сосудистой врачихи нет, педиатров нет, а остальные сидят. Но тут же только что галдела пропасть народу...

– В глазах, казалось, расплывается, – поддержал его Ключевой, садясь к столу и подыскивая себе закуску. Закуски не нашлось, и у него надолго испортилось настроение.

– Вам приснилось, – улыбнулась единичная и единоличная Анюта Амбигуус. Это выглядело обворожительно, но друзей ее мужа никогда не обвораживали женщины.

– Вам повезло, – зловеще поправила ее Оранская.

Гастрыч неторопливо поднялся и прошел в кухню. Там он постоял, глядя на оставшийся отвар, наличествовавший в изрядном количестве. Интересно, как долго он сохраняет свои свойства? Сколько надо выпить, чтобы двойник прожил подольше? И можно ли выпить столько, что обратного слияния с оригиналом, равно как и обособленного разложения, уже не произойдет? Есть ли управа на этих приживал? Нужен химик. Им позарез нужен химик. И при этом – специалист по грибам.

– Малец, – пробормотал сосед. – Талантливый, мерзавец. Мы без него не обойдемся. Мало ли, что учится плохо. Зато он учится тому, что пригодится в жизни.

Вопросов было много, но прежде всего нужно сграбастать компанию в мозолистый кулак, оседлать, нацепить узду, застращать и привлечь к земледелию, сотрудничеству и молчанию. И начинать с огородничества. Придется поставить в сортире обогреватель, не курить на толчке и наглухо забить вытяжку. А потом уже думать о переходе с оседлого образа жизни на кочевой.

– Да, – молвил он, – возвращаясь. – Занятный был опыт. Даже хочется повторить.

– А что же это за опыт? – воскликнули проснувшиеся, все больше жалея, что тратили время не на правое дело.

– Не говорите им! – взвизгнула Оранская, постоянно хватая себя то за очки, то за кончик носа. – Это тайна для крохотной группы избранных и посвященных!

– А нас, позвольте заметить, никто и ни во что не посвящал, – подал голос Извлекунов. Теперь он крутил чашку, просунув палец в ручку-колечко.

Гастрыч, и прежде бывалая личность, теперь побывал двумя бывалыми личностями, после чего сила внушения в нем укрепились и стала железобетонной. Не без предварительной гибкости – как доктор пропишет.

«Небось, и не служил никто, – подумал он презрительно. – Нет, педиатр был моряком. Крыса с побережья! Правда, они все равно ушли. Но грибы они видели... Они их видели...»

– Ошибаетесь, дамочка, – Гастрыч испустил вздох, полный фальшивого сожаления. – И ты, глазастик, ошибаешься. Придется привлечь к делу всех, кто видел хоть каплю происходившего. Всех свидетелей Яговы. Иначе – кончать. Потому что просматриваю я в данном мероприятии, дорогие соседushки, – он обращался ко всем, хотя соседствовал только, к ее несчастью, с семьей Амбигуусов, – серьезный бизнес. И мнится мне, что выпадет нам козырь-

ная масть, и наладится у нас пресерьезное дело. Только бизнес этот волчий, господа хорошие, а потому могут выпасть и казенный дом, и даже очень, очень дальняя дорога с билетом в один конец, то есть на... простите, тут женщины.

Повисло тяжелое молчание.

– Ну, вы как знаете, а я откланяюсь, – Извлекунов стал застегивать, где было расстегнуто. – Хорошо, как говорится, в гостях, а дома гораздо лучше...

– Сидеть, – негромко приказал Гастрыч, и окулист моментально сел обратно.

– Я и то, и я сё, я же и поросё, – заявил он запальчиво. – Мне на работу нужно. Вечером.

10. Целина

– Перво-наперво, – объявил Гастрыч, – надо расширить посевные площади.

– Что вы имеете в виду? – насторожился старший Амбигуус.

– Простейшие вещи. Сколько у вашего семейства земли? Надела?

– Что – надела? – встрепелась и Аня.

Гастрыч махнул на нее татуировкой серьезного ранга.

– Я про земельный надел говорю. У вас посевная площадь – узенькая полоска вокруг горшка, бесконечно более важного для вас, городских. А ведь я из крестьян. У меня до сих пор во рту держится привкус парного молока, – взвинчивая себя, Гастрыч делался поэтичнее. Есенин покуда неся к финишу первым, но в спину ему дышали, и Гастрыч настигал – не иначе, как для проникающего брудершафта.

Не спрашивая хозяйского разрешения, он прошагал в сортир, ковырнул носком плитку. Носок заменял Гастрычу тапок, а порой и ботинок. Бывало, что Гастрыч начинал сомневаться, есть ли на нем носок.

– Все на соплях, – пробормотал он. Плитка подалась, открылось каменное покрытие. – Ох ты бога в душу мать! – рассвирепел сосед, еще недавно отстаивавший Создателя. – Еще и это снимать придется! Ну, всем миром навалимся. – Он посмотрел на сиротливую, но таящую в себе начатки грибов, полосочку земли вокруг унитаза. – Землица! – благостно всхлипнул Гастрыч, становясь на колени. – И к чему нас раскулачивали? Вот же она, кормилица наша! Прозябает в отхожем месте!

Он солировал, окружающие безмолвствовали, сраженные утренним ужасом.

– Еще и юрист понадобится, – присочинял Гастрыч. – Как там с этими законами о земле? Можно ли ею частно владеть? Или частично частно? Ведь мы же государственно... Теплицу устроить, парник? Для подножного корма?

– Слушайте, – сказал Крышин ласкательным тоном. – Мы с товарищем совершенно не в курсе. Мы видели, что здесь что-то выросло, какие-то растения. И все. Грибы, мхи, лишайники, папоротники, плауны – нам все равно. Можно нам удалиться и навсегда забыть об этих поганках?

– Нет, нельзя, вы останетесь, – запретили ему жестяным голосом-барабаном.

«Барабан был плох, барабанщик – Бог», – вспомнилось всем: роковой момент вмешательства окулиста.

– Ну, так мы сами уйдем, – Ключевой выпятил грудь колесом.

– Давайте, попробуйте, – не стал возражать Гастрыч. – А я тогда тоже уйду, в ментуру. Про сына ихнего расскажу с его наркотой.

Аня взялась по привычке за грудь, но за правую, а не там, где колотится и стучит. Правая вдруг стала набухать, восхищенная силой угрозы Гастрыча.

– И про вас расскажу, – продолжал сыпать планами Гастрыч, глядя на Ключевого и Крышина. – Пусть вас посадят. За мужеложество. Статью, по-моему, еще не отменили. Во всяком случае, если было насилие. А насилие было, я скажу. Я вызовусь свидетелем насилия.

Скажу, что видел все, что было и чего не было. И про тебя, нарколог, настрочу жалобу, как ты водку трескаешь вместо санитарного просвещения. А к тебе, – он повернулся к Извлекунову, – приду лечить зрение. Ты его полечишь, а мы потом предъявим претензии.

– Ко мне не бывает претензий, – прошептал окулист. – Какие ко мне могут быть претензии... Мне вручали переходящее знамя...

– И боевое. Переползающее. На красный свет, и потому багровое. Накатаю в горздрав, что нахамил мне, – с готовностью отозвался Гастрыч. – Назвал свиньей и уродом, показал таблицу с матерными буквами, не выписал рецепт, оставил кабинет на полчаса, а меня не выставил... И пьяный был. Я найду, что написать, – пообещал сосед. – Я матерый писатель. Я столько бумаг написал, что ко мне теперь прикоснуться бояться – и военком, и участковый, и санинспектор... Да, кстати, – он ударил себя по многоопытному лбу и снова взялся за семью Амбигуусов в другом ее поколении, но уже с иного конца. – Сынку-то вашему армия светит, небось. Справками запаслись липовыми, выписками? Так я вас выведу на чистую воду... Приедут с браслетами, да с собаками; запрут под замок с учебником химии для начальной школы... А там все про сознательный патриотизм, президента – ни одной формулы!

– Да успокойтесь вы, Гастрыч, – Артур Амбигуус не без труда взял себя в руки, от волнения позабыв про добрососедское «ты». – Делайте, что хотите. Желаете пол в сортире поднять? Даю вам на это свое согласие. И сам помогу, ломиком. И все мы дадим честное благородное слово помалкивать и не мешать. Еще неизвестно, вырастет ли у вас что.

– У нас. Вырастим, – сосед немного успокоился. – И яровые тебе заколосятся, и озимые охнут. И чтобы все пили! Отвар чтобы пили! Нам подопытный материал нужен.

– В этом неведомом довольно неприятно, – попыталась уклониться от эксперимента Оранская, зная заранее, что на ее слова просто и беззастенчиво не обратят внимания. Так и случилось

Артур Амбигуус посмотрел на часы. Время пролетело незаметно, и было уже восемь утра. Середина лета, светает быстро, но ему показалось, что мрак царил вечно.

– Кстати: вот еще что, – не унимался Гастрыч. – Будите вашего охламона. Пускай попробует и скажет, на что похоже. Он же у вас химией занимается? Незаменяемая фигура. Мы подключим его к делу, я его постоянно вижу, где лесополоса. Может, имеет смысл перемешать его грибы с нашими... Отвар должен иметься в наличии постоянно. Во-первых, двойникидохнут. Во-вторых, у нас же образуется заготконтора. Рэкет, говорите, на поляне? Квоты? Ничего. Я покажу им, какой бывает рэкет. Лично хлебну и покажу. Нам это понадобится для оптимального согласования спроса и предложения.

– И что же потом? – осведомился Крышин, приходя в себя от упоминания уголовной статьи про насильное мужеложество, по поводу которой, ассоциируя, припомнил волшебную флейту Моцарта и откровенно садистскую флейту-позвоночник Маяковского в узком, извращенном понимании флейты. – Зачем вам все это надо?

– Ну, это мы решим. Может быть, откроем какое-нибудь бюро услуг. Приходит к нам человек, заказывает двойника, и тот отправляется по делам...

– По каким же делам? – тихо спросил старший Артур Амбигуус.

– Русским же языком говорю – по своим. По хозяйским, – поправил себя Гастрыч. – Он не станет ходить по нашим делам. Наши дела – обеспечить ему отправку. Прибыл, убыл, печать. Липовая. Умозрительная. Каинова.

– А вдруг у него такие дела, что его самого пора кончать, а не раздваивать? – еще тише вопрошал Артур Амбигуус, желая скорее добиться полнейшей ясности.

– Но это же его дела, – передернул плечами Гастрыч, и будто прошла волна. – Бюро не собирается в них соваться. У нас будет самовывоз – вернее, самовыход. По делам. И все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.